

Михаил БАРТЕНЕВ:

«Драматурги говорят: хочется работать»

Быть может, самое важное из того, что происходило на «Радуге», связано с лабораторными штудиями, ведь часто из таких совместных с режиссерами, завлитами, встреч драматургов рождаются идеи будущих спектаклей. Михаил Бартенев ведет занятия Лаборатории драматургов на каждом фестивале «Радуга». Он не из «кабинетных» писателей, его собственные пьесы часто рождаются в результате работы с режиссером в стенах театра, уточняются, дописываются в процессе репетиций. Сказки (среди них «Про Иванушку-дурачка», «Макарова месь», «Синяя борода», «Пристань-ще», «Елена Премудрая», «Мальчик-с-пальчик и его родители»), мистерия «Житие и страдания преподобной мученицы Февронии», инсценировки и переложения классической и неклассической прозы, либретто оперетт и мюзиклов — вот неполный список названий и жанров Бартенева. Он один из активных деятелей Российского АССИТЕЖ, автор, соавтор, инициатор множества международных проектов, таких, скажем, как «Волшебный дом», «Истории школьного двора» и так далее. Михаил Бартенев — самый известный и самый репертуарный драматург детского театра.

— И на нынешней «Радуге» прозвучали традиционные заявления: нет искусства специально для детей.

— Сам спор, по-моему, пустой. Есть детская литература во всем мире. «Гарри Поттер» — это же детская литература, подростковая. Есть детское кино, кино для подростков. Назову «Нежный возраст» Сергея Соловьева, «Займемся любовью» Дениса Евстигнеева. Детский театр есть. Важно, чтобы то, что есть, стало искусством. Вот — общая задача. Для того и проводятся, в частности, фестиваль «Радуга» и лаборатория драматургов, чтобы привлечь внимание к детскому театру, его проблематике, репертуару, чтобы возродить интерес к этому делу. Сегодня тюзы переживают не лучшие свои времена.

— Есть ощущение, что нынешнее состояние детского театра — переходное. Многие надеются, что перемены возникнут тогда, когда появятся новые пьесы. Пока очевидно: достижения, если они есть, связаны с классикой, а не с современной пьесой.

— Разве для подростков нужно ставить спектакли только о жизни подростков? Кто же отрицает, что, скажем, «Кроткая» имеет право стоять в афише? Но обидно, что этот самый романтический, самый трагический возраст в жизни человека перестал быть предметом интереса театра и драматурга. На данном конкретном семинаре (в прошлые годы мы не ставили перед собой эту цель) мне захотелось попробовать собрать именно такие пьесы, отражающие жизнь современного подростка. Оказалось, безумно трудно собрать. Кто-то спрашивал, а почему мы не включили в число пьес «Пластелин» Василия Сигарева? Если бы пьеса появилась сейчас, я бы позвал Сигарева. Но сегодня она достаточно раскручена, она получила ряд премий.

— Вы считаете «Пластелин» — подходящая пьеса для детского театра?

— Не подходящая по одной простой причине. Она абсолютно безнадежная. Мне кажется, должно быть некое экологическое чувство по отношению к подростку. Ведь не скажешь собственному сыну, в каком бы ты ни находился настроении: «Старик, жить не стоит». Мне хотелось собрать на лаборатории что-то свежее, что нигде не опробировалось. Например, текст Ксении Драгунской (она считала его некой заявкой на пьесу), который произвел большое впечатление на собравшихся.

— Режиссеры обратили внимание на пьесу Наташи Ворожбит.

— Да, это такой verbatim, но из собственной жизни. Как она признавалась, это ее детство, прошедшее в спортивном интернате. История очень жесткая, но в ней нет этой безнадеги. Хотя быт юных спортсменов жутковат, он накладывается на пору взросления, созревания. А в итоге — история про любовь. Интересна была и пьеса Алены Нестериной «Таблетки для мертвых солдат». При всем навороте событий очевиден поиск героя, сегодняшнего Мальчиша-Кибальчиша, который, жертвуя собой, спасает других. Кроме этого, читалась пьеса Лены Исаевой. Она называется «Третьеклассник Алеша».

— На занятиях лаборатории присутствовали подростки.

— Да, мы об этом просили с самого начала. Их мнение было интересно послушать.

— Дети случайные или отобранные?

— К сожалению, отобранные. Из Центра Корогодского «Семья». Хотелось бы, чтобы это были подростки с меньшим театральным опытом. (Эти дети — играющие).

— Поговорим о модном нынче verbatim в применении к детскому театру.

— Я и сам сейчас занимаюсь в некотором роде verbatimом.

— Вы имеете в виду немецкий проект — пьесу о русских детях-эмигрантах?

— Я определяю жанр пьесы как документальная фантазия. Хотя материалом послужили исповеди детей, живущих в Берлине. Я привез из Германии четыре кассеты. Но ни одного слова из этих кассет, писем в пьесу не вошло.

— Не могу отделаться от мысли, что verbatim напоминает творческие командировки советских писателей на Беломорканал. Когда мне говорят, что этот метод придуман за кордоном, мне делается смешно.

— Смешно другое. Собрать интервью и потом не менять ни единого слова. Советских писателей посылали за тем, чтобы они описали не жизнь, КАК ЕСТЬ, а жизнь, КАК НЕТ.

— Вспомним «Аристократов» Погодина.

— А тут все наоборот. Сидят шахтеры и говорят. Мне это не очень интересно. То есть интересно смотреть спектакль «Угольный басейн» Кемеровской «Ложи», но заниматься этим мне неинтересно.

— Я не зря вспомнила советские времена. На новом витке для детских театров настало время государственного, социального заказа. Не так ли?

— Безусловно. И об этом говорил на семинаре Олег Лоевский. С нашими фанаберирами придется постепенно расставаться. Социальный заказ будет.

— Можно повозмущаться, а можно и придуматься. Ведь соцзаказ не только сверху спускается, он мне кажется продиктован жизнью. Персонажи (вот эти самые подростки) ищут автора, почти как у Пиранделло.

— Та работа, о которой мы говорили, меня захватила. Это абсолютно художественная задача. Мне немецкие обстоятельства не так

важны. Важнее другое. Все против тебя. Ты становишься человеком третьего сорта. Тема отъезда с Белорусского вокзала. Родители ехали ради детей. А дети говорят о доме там, в России.

— Я вот думаю, а может настало время написать про наших беженцев.

— Много можно о чем написать. А тебе скажут: вот конъюнктурщик!

Как обвиняли нас со Славовским, когда мы написали пьесу о Чечне. Это был наш, собственный, соцзаказ, мы писали искренне (получилось — не получилось, не нам судить).

— На «Радуге» был спектакль по вашей пьесе «Куба — любовь моя» в исполнении Берлинского театра «Карусель» в постановке Александра Кладько. Эта работа сделана в рамках международного проекта «Истории школьного двора». Тоже, в известном смысле, соцзаказ.

— Мне проект понравился как раз тем, что никаких рамок не ставилось. Для меня «Куба» — история про неповзрослевшую мужскую половину поколения, даже нескольких поколений.

— На обсуждении критики говорили о том, насколько немецкие актеры сумели сыграть русских бомжей.

— Бомжи ни при чем. Открылись двери, вышли два соседа в трениках на лестничную площадку покурить у окошка, вот вам и Калина с Кирюхой.

— Вам кажется, что ваше поколение не повзрослело? Об этом пьеса?

— Да. Мне кажется, мужская, почти неправдоподобная инфантильность поколения, в связи с чем наблюдается преждевременное старение женской половины поколения — это серьезная беда.

— А поколение нынешнее, каким оно вам видится? По-моему, оно взрослее поколения отцов.

— Трудно обобщать. Но я смотрю на жизнь своей дочери, ее друзей и думаю, насколько же они взрослее, умнее, свободнее меня в том же возрасте.

— Мне кажется, и наш зритель-подросток сильно отличается от зрителя прошлых лет.

— По объективным обстоятельствам. Сегодня гораздо меньше табу, зажатости. Мы можем говорить с дочерью о том, о чем я не мог говорить со своим отцом.

— Тем не менее, разговор театра и зрителя-подростка далек от полной доверительности. Мне, например, не хватает в нашем театре хэппенингов именно потому, что подросток раскрепощен и рвется к сотворчеству.

— Мы хотим сейчас с Александром Кузиным сделать социальный подростковый хэппенинг. Зрители будут сами выбирать финал. Герой окажется на распутье. Мы готовим несколько вариантов развязки. Еще один проект — новогодний. Все стараются сделать «елку» подешевле, чтобы побольше заработать. В Ярославском ТЮЗе каждый год делают дорогой спектакль, и обязательно с участием зрителей.

— Если бы у вас был свой театр, какую модель вы бы выбрали?

— Я бы все сказки для самых маленьких играл на малой сцене, глаза в глаза. Только на малой сцене могла бы получиться моя «Макарова месь». А на большой сцене — мюзиклы.

— Успех «Норд-Оста» в Москве очень показателен. И то, что за основу взяты каверинские «Два капитана», обеспечивает интерес и взрослых, и детей. У вас ведь тоже была идея мюзикла о Крестовом походе детей.

— Да, у нас возник тройственный союз с Андреем Усачевым и Алексеем Шельгиным. Все было на мази. Там все уперлось в финансовые проблемы.

— У меня есть впечатление, что в детском театре наступил интересный момент. Результатов немного, но есть желание перемен и, кажется, они вот-вот наступят.

— И у меня такое же чувство. И у участниц лаборатории. Нужно как можно больше людей привлечь к этому делу. Новых людей. Главный результат фестиваля «Радуга» — контакты. Вот этих четырех авторов услышали режиссеры и завлиты. Драматурги говорили, что у них есть чувство непаханого поля и что очень хочется работать.

Беседовала
Екатерина ДМИТРИЕВСКАЯ

